

ПРОТИВОРЕЧИЯ КУЛЬТУРНОГО БИЛИНГВИЗМА: ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИИ РУССКОГО ОФИЦЕРА- ГОРЦА В ПЕРИОД БОЛЬШОЙ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

В настоящее время Большая кавказская война (традиционно датирующаяся 1816-1864 гг.) уже не рассматривается просто как вооруженное противостояние, а тем более — как вооруженное противостояние «всех» горцев против «всей» Российской империи. Даже собственно понятие «война» оказывается весьма размытым, поскольку речь идет о конфликте культур в районе цивилизационного разлома (пользуясь терминологией С.Хантингтона).

Новый подход, отражающий современное состояние гуманитарных наук, основан на рассмотрении границ не как «барьеров», а как «контактных зон», порождающих важнейший для общественного развития «культурный билингвизм». Это понятие, в частности, употреблено в недавнем сборнике «Восток России: границы и народы империи. 1700-1917»¹ под редакцией профессора Брауэра. Действительно, раньше упор делался на разъединение народов и территорий жесткими барьерами, больше напоминающими сплошную линию фронта двух минувших мировых войн, нежели собственно границу. Понятие граница, тем не менее, может рассматриваться не только как «*border*», но и как «*frontier*». Общение автора статьи даже с искушенными отечественными кавказоведами показывает, что разграничение этих понятий пока не является отчетливым. Между тем разница представляется существенной. Граница-*border* — это линия, которая отделяет одну страну от другой. Граница-*frontier* — это линия, точнее даже полоса, которая соединяет страны. Само понятие «*фронтир*» существует как термин в русском языке, однако воспринимается в категориях североамериканской истории XVIII—XIX веков. Между тем, еще в 1890-х гг. было начато исследование американского «фронттира», как типичного явления мировой истории.

В свое время заметный резонанс получила работа чикагского историка Макнейла о «стенном фронттире Европы» — пограничной зоне между Османской империей и европейскими странами и народами². Даже история Украины раннего нового времени трактуется порой, как история польско-русско-турецкого фронттира, региона свободы и равенства, дающего третий путь для недовольных государственной властью (вместо протеста или покорности — исход)³.

В отечественной исторической науке уже сложилась традиция интерпретировать понятие «*frontier*» как «контактную зону». Сам термин «контактная зона» предложил почти 30 лет назад В.Д.Королюк (применительно к границам Византийской империи). Однако серьезные попытки введения термина в устойчивый научный оборот сделаны в России только в середине 1990-х гг.⁴ Во многом вследствие взаимодействия с российскими историками, работающими в этом направлении,

появилась работа американского историка Томаса Барретта о терских казаках⁵. В ней автор выступил против восприятия границ России и Северного Кавказа, как постоянной и исключительной линии фронта, по разные стороны которых историки разводят горцев и казаков. Томас Барретт считает необходимым видеть движение народов, появление селений и общин, преобразование ландшафта, а главное — взаимодействие соседних народов в повседневной жизни⁶.

При новом подходе исследовательский акцент делается на взаимодействие в рамках «контактной зоны». Ценность в исследованиях могут представлять именно примеры и обобщения, касающиеся общих перемен в различных областях жизни, происходящих вследствие контактов народов на личном уровне. О самих этих перемен написано относительно много, но их значимость для исторического процесса и исторического исследования казалась неизмеримо меньшей, нежели значимость боевых действий и конфликтов вообще. Нынешнее изменение отношения к социальной истории и истории повседневности поднимает ценность таких, например, наблюдений: «Рыцарская Кабарда была законодательницей мод и вкуса для всех воинствующих адыгских обществ от Сунжи до Черного моря... На каждой вещи и вещице лежала печать тонкого вкуса, изящной простоты, правильности, соразмерности, экономии... Такую одежду, такое снаряжение приняли гребенские казаки от кабардинцев еще в первом поколении. С одеждою и снаряжением они усвоили военное воспитание адыгов, их игры и скачки, боевую гимнастику, выправку и все приемы и турдефорсы блестящего адыгского наездничества. В свою очередь, они послужили примером для других поселявшихся на Кавказской линии казаков... По тому же закону добровольного предпочтения своего худшего соседскому лучшему, и гребенские казачки приняли одежду и уборы кабардинских женщин... Гребенская женщина, во множестве случаев, была местного горского происхождения. Она сообщила гребенцу, увесистому русскому человеку, легкие статьи и живые черты южного аборигена, а сама заимствовала от него рост и мускульную силу и мужественный характер русской женщины... После одежды и снаряжения, домашний быт гребенских казаков также сложился по кабардинскому образцу... Удержалась, однако ж, русская печка, русские лавки и высокий стол, а в красном углу, завешенном разноцветной пеленой, — чего уж никак не могло быть в кабардинском уне, — киот с дедовскими образами... Когда бывали в гостях кабардинцы, чеченцы, кумыки, образная пелена поднималась и закрывала святыню красного угла...»⁷ Документальному повествованию обстоятельного историка позапрошлого века вторит современный исследователь: «Казачество сублимировало характерные черты и особенности как славянских, так и кавказских этносов, обусловившие его особый психотип и специфический социум. Феномен казачества — яркая иллюстрация синтеза культур в границах контактной зоны»⁸.

Эти примеры показывают, что при исследовании феномена «контактной зоны» следует учитывать, что сам «контакт» происходит на уровне конкретного человека, а поэтому оказывает на его сознание определенное

(и достаточно сильное) воздействие. В результате «на выходе» формируется определенная система оценок и суждений, которая определяет поступки (юридически говоря, деяния, т.е. либо действие, либо бездействие) и тем самым оказывает прямое влияние на ход истории.

В связи с этим и источниковая база исследования сознания человека контактной зоны будет базироваться в основном на документах личного происхождения, поскольку они содержат оценочные суждения и определенный самоанализ личности. Субъективность в этом случае не опасна, — она необходима. Определенную роль играют и такие конкретно-исторические факты и события, которые позволяют сопоставлять мышление и деятельность конкретных исторических персонажей.

Базовым для этой конкретной работы, ввиду ее небольшого объема, будет такой малоизвестный источник, как редчайшие мемуары Муса-паши Кундухова. Эти мемуары не введены в научный оборот по ряду обстоятельств. Во-первых, это труднодоступность источника: русский текст мемуаров публиковался в 1936-1937 гг. в таком малотиражном эмигрантском издании (именно в силу незначительности не включенном, кстати, в последнее по времени справочное издание по периодике русского зарубежья), как журнал «Кавказ». Во-вторых, сам автор, окончивший жизнь в Турции, воспринимался как враг России, тем более — изменник (могилу Кундухова в Эрзуруме во время Первой мировой войны разрушили русские солдаты; песня нижегородских драгун «изменник паша-Кундухов» просуществовала до конца императорской армии). Этот факт не мог не препятствовать введению мемуаров в научный оборот.

Несколько слов об авторе мемуаров. По происхождению он — осетин-тагаурец, из рода алдаров (владельцев), родился в 1818 г., по образованию — выпускник Павловского кадетского корпуса. Он начал службу в 1837 г., в качестве переводчика сопровождая в поездке на Кавказ императора Николая Павловича. В русской армии служили его дядя и младший брат. Старший же ушел к Шамилю, но там к нему относились с подозрением: не русский ли шпион? Муса Кундухов участвовал в Венгерской кампании 1849 г. В 1860 г. он достиг должности начальника всех войск в Чечне (а это одна пехотная бригада, пять линейных батальонов пехоты, драгунский и четыре казачьих полка). Пытался влиять на политику имперской администрации в отношении горцев, но разочаровался в русских властях и в период большого исхода горцев с Кавказа в Турцию (в 1865 г.) переселился туда вместе с семьей. В должности уже турецкого генерала командовал во время войны 1877-1878 гг. на анатолийском фронте дивизией, а потом был начальником штаба всей анатолийской армии; сдавал ключи Эрзурума своему противнику Лорис-Меликову. Умер в 1889 г. Сын Кундухова был министром иностранных дел Турции.

В журнал «Кавказ» мемуары попали случайно: их предоставил внук Кундухова, Шефкет.

Главной особенностью психологии именно офицера-горца периода большой Кавказской войны является то пограничное состояние, при

котором внутри человека долг и чувство находятся в постоянном противоречии. Силу этого противоречия можно вернее почувствовать, если вспомнить, что борьба долга и чувства со времен античности является движущей силой трагедии.

Но для эпохи, начинающейся с 1830-х гг., противоречие это связано со временем проявления национального самосознания в русской культуре. Сама николаевская эпоха воспринималась тогда многими мыслящими людьми как новый этап в русской истории, когда после Наполеоновских войн период подражания Европе, длившийся со времен Петра и Екатерины, казался преодоленным. Воздействие российской культурной среды порождало чувство национального самосознания и у горца, получающего военное образование в столице России. Естественно, это чувство было чувством не великоросса, а именно кавказца. Историки давно подметили эту особенность идентификации личности на Кавказе: не по религии, не по народности, а по тому культурно-цивилизационному ареалу, который и определяется опытом, приобретенным жителями Кавказских гор в результате долгого культурного взаимодействия. Выше уже говорилось о вовлечении в это культурное взаимодействие и казаков.

Долг службы повелевает офицеру-горцу служить, но проявившееся национальное самосознание требует «быть со своим народом», то есть не только понимать его нужды и стремления, но разделить судьбу. «Я как солдат принадлежал царю, но как человек ни в коем случае не мог не принадлежать народу», — так сформулировал это состояние сам Муса Кундухов⁹.

Отсюда и происходят такие трудности в конкретном следовании девизу «За веру, царя и отечество». Ведь вера — мусульманство, отечество — Кавказ... Царь — единственный объединяющий символ. Но именно в царе разочарование Кундухова началось еще в первый год его службы на Кавказе. Визит императора Николая оказался сильнейшим раздражителем для Кундухова: он был близко к царю и оказался поражен тем сочетанием властности и равнодушия, которое проявил император Николай Павлович при встрече с делегатами народов Кавказа во Владикавказе. Причем, судя по воспоминаниям, властность и требовательность всероссийского самодержца были Кундухову понятны. Но вот равнодушие... Оно оказалось воспринято даже не как неприязнь, а как ненависть к горцам. Именно так оказалась понята и объяснена Кундуховым обычная для той эпохи бюрократическая волокита в Петербурге после того, как туда были переданы собранные, обобщенные и изложенные на бумаге просьбы горских депутатов. Из того, что эти просьбы оказались «брошены без всякого исполнения и ответа», был сделан такой вывод: «Николай как деспот совершенно домогался истребить дух свободы горских народов и приготовить их к безусловному рабскому повиновению» и за этим-то и приехал на Кавказ. Здесь необходимо сделать акцент на том, что приведенная фраза не характеризует реальное положение вещей, а дает понятие особенности мировосприятия мемуариста. Существует достаточно документов, доказывающих, что реальность выглядела по-иному и была сложнее. Со времен капитального труда Н.Шильдера известны

переписка и беседы Николая Павловича с генералом А.А.Вельяминовым, в которых император стремился внушить подчиненным, что хочет «не побед, а спокойствия, ... что для личной его славы и для интересов России надо стараться приглубить горцев и привязать их к русской державе». Фактическими действиями Николая уже во время пребывания на Кавказе были немедленная смена наместника (Розена), наказание наиболее очевидных злоупотреблений (в частности, разжалование князя Дадиана и отправка его под суд)¹⁰.

Любопытно, что отношение Николая к горцам и его планы относительно поездки на Кавказ формировались в Петербурге под влиянием еще одного офицера-горца. Это был флигель-адъютант полковник Султан Хан-Гирей, командир гвардейского Кавказского горского полукадра, черкесский аристократ из племени бжедухов. Его записка, поданная в 1837 г. на имя военного министра Чернышева, содержит немало «экспертных оценок» ситуации на Северном Кавказе¹¹. Дальнейшая служебная переписка показывает, что Николай испытал определенное воздействие идей Хан-Гирея и ехал на Кавказ в надежде «положить прочное основание к успокоению кавказских горских племен и к устройству будущего их благосостояния наравне с прочими народами, под благотворным скипетром Его Величества благоденствующими»¹². Как далеко это от представлений Кундухова! Тем не менее, все недоброжелательные действия в отношении подвластных русскому царю горцев трактовались именно как выполнение замыслов самого Николая. Кундухов был свидетелем того, как генерал Пулло «под предлогом обезоружить чеченцев потребовал с каждых десяти дворов по одному ценному ружью и, получивши их, продавал в свою пользу, покупая на их место (для отчетности в Арсенал) дешевое и негодное оружие. То, что новый наместник, Головин, не прислушался к жалобам чеченцев и к той информации, из которой было ясно, что притеснения Пулло приведут к восстанию весной 1840 г., отнюдь не добавляло авторитета русской власти. Восстание произошло — чеченцы примкнули к Шамилю, считая его своим заступником. Интересно, что двое чеченцев, оставшихся преданными России (корнеты, служившие в императорском конвое), пока жили в Грозной, не общались с генералом Пулло и называли его «врагом народа».

Необходимо отметить, что Кавказ 1830-х — начала 1840-х гг. был местом поиска славы и чинов, а поэтому отправлялись туда те чиновники, которые не могли рассчитывать на повышение по службе в центральной России. Это было связано с возможностью не сдавать (как это было необходимо в России) экзамен на получение дающего потомственное дворянство чина VIII класса (майор или коллежский асессор). Отсюда и гоголевский майор Ковалев — «особого рода» коллежский асессор — «кавказский». Понятно, что чиновничий состав на Кавказе в массе своей менее всего пекся о «приглублении горцев». Понятно, что офицеры-горцы, видевшие и понимавшие это, чувствовали неприязнь со стороны «представителей» империи, ощущали себя чужими и временными.

Быть может, поэтому доверие к конкретному, осязаемому начальнику, чьи дела на виду, ставится офицером-горцем выше всей системы чиновничества. Для офицера-горца гораздо более значительную, чем для русского офицера, роль в воинских взаимоотношениях играет система личной преданности. Начальник (конечно, справедливый начальник, или, точнее, начальник, соответствующий представлению подчиненных о справедливости) является боготворимым и потому более авторитетным, нежели более высокое, но абстрактное начальство. В 1849 г. в Венгрии горцы конно-горского дивизиона соглашались служить только под началом Мусы Кундухова. В противном случае они были готовы покинуть службу. «Мы шли с Кавказа с Мусою и с ним хотим служить, — писали делегаты князю Бебутову, — другого начальника быть не может, ... и если наше желание не будет исполнено, ... то потом уже никто не обманет наших соотечественников и ... никакая власть и сила не может принудить оставаться служить под командой другого. Если нам придется умереть — умрем до последнего, зато соотечественники будут знать, каково им было служить!.. Что хотите, то и делайте»¹³. Заинтересованное в сохранении на русской службе горских частей, имперское начальство было вынуждено принять, выполнить и оставить без последствий подобное ультимативное требование. Среди русских генералов преданностью, любовью и уважением горцев пользовался, например, генерал П.П.Нестеров. Было замечено, что именно при его отрядах боеспособность горской милиции была даже выше, чем у солдат и казаков.

Одной из форм проявления противоречия между чувством служебного долга и горским самосознанием становится необходимость разрешения конфликта закона и обычая, причем зачастую в пользу обычая. Характерен, хотя в нынешних представлениях, достаточно экзотичен эпизод, в котором Муса Кундухов рассказывает о выполнении им обряда кровной мести. В 1845 г., днем, на глазах офицеров и просто жителей Владикавказа, он застрелил чеченского старшину Бехо, убившего за 15 лет до этого троих его сородичей. Любопытны комментарии Кундухова к встрече с Бехо: ощущение безопасности и покровительства имперских законов со стороны чеченского старшины тагаурец с российским высшим военным образованием трактует как «наглость». Нелишне отметить, что убийство сошло Кундухову с рук (он отделался непродолжительным арестом): генерал Нестеров доложил в Тифлис Воронцову, что «это дело для спокойствия края необходимо предоставить народному обычаю»¹⁴.

Русский офицер-горец среди немирных соплеменников — еще один сюжет, требующий рассмотрения. Такой случай не единичен, однако обычно переход со службы царю на службу имаму (и наоборот) был связан с личной выгодой горца. Характерны примеры генерала Даниялбека Элисуйского или знаменитого Хаджи-Мурата (не успевшего, правда, получить офицерский чин). Тем не менее, история сохранила особый сюжет, позволяющий проследить поведение русского офицера-

горца в окружении «немирных» соплеменников. Это судьба одного из сыновей имама Шамиля — Джемалутдина.

Джемалутдин был отдан в аманаты¹⁵ генералу П.Х.Граббе в 8-милетнем возрасте, во время осады аула Ахульго в 1839 г. Он прожил в России 15 лет, получил военное образование в 1-м Кадетском корпусе, стал поручиком Уланского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича полка и уже обговаривал женитьбу на внучке президента Академии Наук Елизавете Олениной (сам царь обещал быть на свадьбе посаженным отцом). Но в 1854 г., в результате набега отца на Грузию, Джемалутдина вернули Шамилю по его требованию — в обмен на княгинь Чавчавадзе и Орбелиани. «В будущем, которое его ожидало, — записал один из российских знакомых Джемалутдина, — он не обманывал себя никакими крылатыми фантазиями, но, сознавая свой долг и имея достаточно силы к выполнению его, доверчиво шел ему навстречу...»¹⁶ Второй раз круто переменялась судьба: отец женил сына на дочери чеченского наиба Талгика и поселил в ауле Карата. Шамиль надеялся использовать знания сына в борьбе против России, но вышло по-другому. Россия получила мощного агента культурного влияния буквально по правую руку Шамиля. «Он был умнейший и образованнейший человек», — передает свои впечатления Гаджи-Али, один из летописцев шамилевской эпопеи¹⁷. Другой сообщает, что Джемалутдин и еще один возвращенный подобным образом пленник (племянник Шамиля Хамзат) «стали уговаривать и подстрекать имама на заключение мира с русским царем»¹⁸. Судя по материалам пребывания в России самого Шамиля, рассказы Джемалутдина о России, ее огромных размерах и ресурсах, о реальной политике русского правительства, вызвали недоверие и неприязнь имама и его окружения, однако, вместе с тем, и оказали на него определенное влияние. Косвенно об этом свидетельствует обращение Шамиля через лазутчиков к русскому командованию с просьбой прислать русского доктора для заболевшего «неизвестной» болезнью (предположительно чахоткой) сына. Доктора тайно привезли, хотя он не смог спасти Джемалутдина (есть предположение, что Джемалутдина и Хамзата отравили медленнодействующим ядом противники примирения с Россией). Тем не менее, от смерти отставного поручика Джемалутдина до капитуляции Шамиля на Гунибе прошло чуть более года.

* * *

Подводя итог, стоит отметить, что «культурный билингвизм» офицера-горца делал его одновременно своим и чужим для обеих сторон, участвовавших в Большой Кавказской войне. Это относится и к внешнему положению, и к внутреннему самоощущению личности. Такое положение зачастую вызывало нестандартные, эмоционально ярко окрашенные поступки, трагические переживания, и — трагическую судьбу. С другой стороны, это положение и делало трагическую личность офицера-горца тем связующим звеном в контакте непохожих культур, которое превращало «границу-стену», *border*, во *frontier*, то есть границу — контактную зону.

- ¹ Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917. Indiana Univ. Press, 1997. P. XVII.
- ² McNeill W.H. Europe's Steppe Frontier. Chicago, 1964.
- ³ Hirshman A. Exit, voice and loyalty. Cambridge, Mass., 1970.
- ⁴ Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995. В этих материалах конференции, проведенной в ноябре 1994 г. в Институте российской истории РАН, несколько докладов — Л.С.Гатаговой, М.М.Вачагаева, А.А.Ялбулганова — посвящены региону Северного Кавказа.
- ⁵ Barrett Thomas M. At the Edge of Empire. The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier. 1700-1860. Westview Press, 1999.
- ⁶ Там же. С. 3.
- ⁷ Попко Иван. Терские казаки со стародавних времен. Исторический очерк. Вып.1. Гребенское войско. СПб., 1880. С. 112-117.
- ⁸ Контактные зоны в истории Восточной Европы... С. 126.
- ⁹ Кавказ. 1936. № 1(25). С. 13.
- ¹⁰ Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1998. С. 624-625.
- ¹¹ РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Ед.хр. 2176. Л. 187-203 об.
- ¹² Цит. по.: Гордин Я.А. Земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб., 2000. С. 150-151.
- ¹³ Кавказ. 1936. № 4. С. 22.
- ¹⁴ Кавказ. 1936. № 3. С. 16.
- ¹⁵ Аманат — род заложничества; выдавался в залог крепости определенной договоренности и находился скорее в статусе гостя, чем пленника.
- ¹⁶ Цит. по: Доного Хаджи Мурад. Дети имама Шамиля. Махачкала, 1997. С. 32.
- ¹⁷ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1990. С. 75.
- ¹⁸ Мухаммед Тахир-аль-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Ч. 2. Махачкала, 1990. С. 67.